

Глава вторая.

Политическая и социальная доктрина

1. Происхождение доктрины

Когда в далекий теперь месяц март 1919 года, через газету «Il Popolo d'Italia», я созвал в Милане оставшихся участников войны, следовавших за мной с момента учреждения дружин (fascio) революционного действия, что произошло в январе 1915 года, – я в мыслях не имел никакого конкретного доктринального плана.

Живой опыт я сохранил от одной доктрины, именно социализма, за время от 1903/4 года до зимы 1914 г – около десяти лет. В этом опыте я постиг и подчинение, и главенство, но он не представлял собой опыта доктринального. И в этот период моя доктрина была доктриной действия. С 1905 года не существовало больше единой, всеми признаваемой социалистической доктрины. Тогда в Германии началось ревизионистское движение, с Бернштейном во главе, а по контрасту в смене тенденций, образовалось лево-революционное движение, которое в Италии не пошло дальше слов, между тем, как в русском социализме оно стало прелюдией большевизма.

Реформизм, революционизм, центризм, – не осталось и отзвуков от всей этой терминологии, между тем, как в мощном потоке фашизма вы найдете струи, берущие начала от Сореля, Пеги, Лагарделя из Mouvement Socialiste, и от которых когорты Итальянских синдикалистов, которые между 1904 и 1914 годами с Paganì Libere – Оливетти, La Lupa – Орано, Divenire Sociale – Генриха Леоне привнесли новую ноту в обиход итальянского социализма, уже расслабленного и захлороформированного блудодействием Джиолитти.

По окончании войны в 1919 году, социализм, как доктрина, был мертв; он существовал лишь в форме ненависти и имел еще одну возможность, особенно в Италии, отомстить тем, кто желал войны и кто должен ее «искупить».

«Il Popolo d'Italia» печатала в подзаголовке: «Ежедневник участников войны и производителей». Слово «производитель» было уже показателем умственного направления. Фашизм не был во власти заранее за столом выработанной доктрины; он родился из потребности действия и был действием; он не был партией, но в первые два года он был антипартией – движением. Имя, данное мной организации, определяло ее характер.

Во всяком случае, кто перечтет на помятых уже страницах той эпохи, отчет об учредительном собрании итальянских боевых дружин (fascio), тот не найдет доктрины, а только ряд положений, предвосхищений, намеков, которые впоследствии, через несколько лет, освобожденные от неизбежного налета преходящего, должны были развиться в ряд доктринальных установок, превращающих фашизм в самостоятельную политическую доктрину по отношению ко всем другим, прошлым и современным.

«Если буржуазия», говорил я тогда, «надеется найти в нас громоотвод, она ошибается. Мы должны идти навстречу труду... Мы хотим приучить рабочий класс к искусству управления, даже, чтобы только убедить его, – что вовсе не легко вести вперед промышленность или торговлю... Мы будем бороться с техническим и духовным ретроградством... Перед открывающимся наследством после существующего строя мы не должны быть трусами. Мы должны торопиться! Если строй будет преодолен, мы должны занять его место. Право наследования принадлежит нам, ибо мы подвигли страну на войну и мы повели ее к победе. Настоящее политическое представительство нас не удовлетворяет, мы хотим прямого представительства отдельных интересов. Против этой программы можно сказать, что это возврат к корпорациям. Не важно!.. Я хотел бы, чтобы собрание приняло с экономической точки зрения требования национального синдикализма».

Разве не удивительно, что с первого дня собрания на площади Святой Гробницы звучит слово «корпорация», которая в ходе революции должна обозначать одно из законодательных и социальных творений, лежащих в основе режима?

2. Развитие доктрины

Годы, предшествовавшие походу на Рим, были годами, когда необходимость действия не допускала исследования и подробных доктринальных разработок. Шли битвы в городах и деревнях. Спорили, но, что более свято и значительно, умирали. Умели умирать. Разработанная с подразделением на главы и параграфы и с тщательным обоснованием доктрина могла отсутствовать; для ее замены имелось нечто более определенное: вера...

Однако, кто восстановит прошлое по массе книг, статей, постановлений конгрессов, больших и малых речей, кто умеет исследовать и выбирать, тот найдет, что в пылу борьбы основы доктрины были набросаны. Именно в эти годы фашистская мысль вооружается, заостряется и формируется.

Разрешались проблемы индивида и государства; проблемы авторитета и свободы; политические, социальные и особенно национальные проблемы; борьба против либеральных, демократических, социальных, масонских, народно-католических (popolari) доктрин велась одновременно с «карательными экспедициями».

Но так как отсутствовала «система», то противники недобросовестно отрицали всякую доктринальную способность фашизма, а между тем, доктрина создавалась, м. б., бурно, сначала под видом буйного и догматического отрицания, как это бывает со всеми возникающими идеями, а затем в форме положительной конструкции, находящей свое воплощение последовательно в 1926, 1927 и 1928 годах в законах и учреждениях режима.

Ныне фашизм отчетливо обособлен не только, как режим, но и как доктрина. Это положение должно быть истолковано в том смысле, что ныне фашизм, критикуя себя самого и других, имеет собственную самостоятельную точку зрения, а следовательно и линию направления, во всех проблемах, которые материально или духовно мучают народы мира.

3. Против пацифизма: война и жизнь, как долг

Прежде всего фашизм не верит в возможность и пользу постоянного мира, поскольку в общем дело касается будущего развития человечества, и оставляются в стороне соображения текущей политики. Поэтому он отвергает пацифизм, прикрывающий отказ от борьбы и боязнь жертвы.

Только война напрягает до высшей степени все человеческие силы и налагает печать благородства на народы, имеющие смелость предпринять таковую. Все другие испытания являются второстепенными, так как не ставят человека перед самим собой в выборе жизни или смерти. Поэтому доктрина, исходящая из предпосылки мира, чужда фашизму.

Также чужды духу фашизма все интернациональные организации общественного характера, хотя они ради выгоды при определенных политических положениях могут быть приняты. Как показывает история, такие организации могут быть развеяны по ветру, когда идейные и практические чувства взбаламучивают сердца народов.

Этот анти-пацифистский дух фашизм переносит и в жизнь отдельных индивидов. Гордое слово дружинника «Меня не запугать» (*me ne frego*), начертанное на повязке раны, есть не только акт стоической философии, не только вывод из политической доктрины; это есть воспитание к борьбе, принятие риска, с ней соединенного; это есть новый стиль итальянской жизни.

Таким образом фашист принимает и любит жизнь; он отрицает и считает трусостью самоубийство; он понимает жизнь, как долг совершенствования, завоевания. Жизнь должна быть возвышенной и наполненной, переживаемой для себя самого, но главное для других, близких и далеких, настоящих и будущих.

4. Демографическая политика и наш «ближний»

Демографическая политика режима вывод из этих предпосылок.

Фашист любит своего ближнего, но этот «ближний» не есть для него смутное и неуловимое представление; любовь к ближнему не устраняет необходимой воспитывающей суровости и тем более разборчивости и сдержанности в отношениях.

Фашист отвергает мировые объятия и, живя в общении с цивилизованными народами, он не дает обмануть себя изменчивой и обманчивой внешностью; бдительный и недоверчивый, он глядит им в глаза и следит за состоянием их духа и за сменой их интересов.

5. Против исторического материализма и классовой борьбы

Подобное понимание жизни приводит фашизм к решительному отрицанию доктрины, составляющей основу, так называемого, научного социализма Маркса; доктрины исторического материализма, согласно которой история человеческой цивилизации объясняется исключительно борьбой интересов различных социальных групп и изменениями средств и орудий производства.

Никто не отрицает, что экономические факторы – открытие сырьевых ресурсов, новые методы работы, научные изобретения – имеют свое значение, но абсурдно допускать, что их достаточно для объяснения человеческой истории без учета других факторов.

Теперь и всегда фашизм верит в святость и героизм, т. е. в действия, в которых отсутствует всякий – отдаленный или близкий – экономический мотив.

Отринув исторический материализм, согласно которому люди представляются только статистами истории, появляющимися и скрывающимися на поверхности жизни, между тем, как внутри движутся и работают направляющие силы, фашизм отрицает постоянную и неизбежную классовую борьбу, естественное порождение подобного экономического понимания истории, и прежде всего он отрицает, что классовая борьба является преобладающим элементом социальных изменений.

После крушения этих двух столпов доктрины от социализма не остается ничего, кроме чувствительных мечтаний, – старых, как человечество, – о социальном существовании, при котором будут облегчены страдания и скорби простого народа. Но и тут фашизм отвергает понятие экономического «счастья», осуществляющегося в данный момент экономической эволюции социалистически, как бы автоматически обеспечивая всем высшую меру благосостояния. Фашизм отрицает возможность материалистического понимания «счастья» и предоставляет его экономистам первой половины 18 века, т. е. он отрицает равенство: – «благосостояние-счастье», что превратило бы людей в скотов, думающих об одном: быть довольными и насыщенными, т. е. ограниченными простой и чисто растительной жизнью.

6. Против демократических идеологий

После социализма фашизм борется со всем комплексом демократических идеологий, отвергая их или в их теоретических предпосылках, или в их практических применениях и построениях.

Фашизм отрицает, что число, просто как таковое, может управлять человеческим обществом; он отрицает, что это число посредством периодических консультаций может править; он утверждает, что неравенство неизбежно, благотворно и благотельно для людей, которые не могут быть уравнены механическим и внешним фактом, каковым является всеобщее голосование.

Можно определить демократические режимы тем, что при них, время от времени, народу дается иллюзия собственного суверенитета, между тем как действительный, настоящий суверенитет покоится на других силах, часто безответственных и тайных. Демократия это режим без короля, но с весьма многочисленными, часто более абсолютными, тираническими и разорительными королями, чем единственный король, даже если он и тиран.

Вот почему фашизм, занимавший до 1922 года, в виду преходящих соображений, республиканскую, в тенденции, позицию, перед Походом на Рим от нее отказался в убеждении, что ныне вопрос о политической форме государства не является существенным и что при изучении образцов бывших и настоящих монархий или республик явствует, что монархия и республика не должны обсуждаться под знаком вечности, но представляют собой формы, в коих выявляются политическая эволюция, история, традиция и психология определенной страны.

Теперь фашизм преодолел противопоставление «монархия – республика», в котором завяз демократизм, отягощая первую всеми недостатками и восхваляя последнюю, как совершенный строй. Теперь видно, что бывают по существу реакционные и абсолютные республики и монархии, приемлющие самые смелые политические и социальные опыты.

7. Ложь демократии

В одном из своих «философских размышлений» Ренан, имевший предфашистские просветы, говорит: «разум, знание – продукты человечества, но это химера – желать разума непосредственно для народа и через народ».

«Для существования разума вовсе нет необходимости, чтобы он был общим достоянием. Во всяком случае, если бы подобное приобщение к разуму, нужно было проделать, не следует его начинать с низшей демократии, которая привела бы к уничтожению всякой труднодостижимой культуры и всякой высшей дисциплины».

«Принцип, что общество существует только для благополучия и свободы индивидов, его составляющих, не представляется согласным с планами природы, где принимается во внимание только вид, а индивид приносится в жертву. Нужно весьма опасаться, что последним словом так называемой (спешу прибавить, что ее можно понимать и иначе) демократии станет такое социальное общество, в котором выродившаяся масса будет заниматься одним: предаваться гнусным наслаждениям грубого человека»

Так говорит Ренан. Фашизм отвергает в демократии абсурдную ложь политического равенства, привычку коллективной безответственности и миф счастья и неограниченного прогресса. Но, если демократию можно понимать иначе, т. е. если демократия обозначает: не загонять народ на задворки государства, то автор этих строк может определить фашизм, как «организованную, централизованную и авторитарную демократию»

8. Против либеральных доктрин

По отношению к либеральным доктринам фашизм находится в безусловной оппозиции, как в области политики, так и экономики. В целях текущей полемики не следует преувеличивать значение либерализма в прошлом веке и делать из одной из многочисленных доктрин, расцветших в том столетии, религию человечества для всех времен, настоящих и будущих.

Либерализм процветал лишь в течение 15-ти лет. Он родился в 1830 году, как реакция против Священного Союза, желающего отодвинуть Европу к 1789-ым годам, и имел свой год особого блеска, именно 1848-ой, когда даже папа Пий 9-ый был либералом.

Сразу же за этим начался упадок. Если 1848-ой год был годом света и поэзии, то 1849-ый стал годом мрака и трагедии. Римская республика была убита другой, а именно Французской республикой. В том же году Маркс выпустил евангелие социалистической религии в виде знаменитого коммунистического манифеста. В 1851 году Наполеон III совершает нелиберальный государственный переворот и царствует над Францией до 1870 года, когда он был низвергнут народным восстанием, но вследствие военного поражения, считающегося в истории одним из самых крупных. Победил Бисмарк, никогда не знавший, где господствует религия свободы, и какие пророки ей служат.

Симптоматично, что немецкий народ, народ высшей культуры, в течение 19-го века совершенно не знал религии свободы. Она проявилась только в переходный период, в виде так называемого «смешного парламента» во Франкфурте, просуществовавшего один сезон.

Германия достигла своего национального единства вне либерализма, против либерализма, доктрины, чуждой Немецкой душе, душе исключительно монархической, между тем как либерализм есть логически и исторически преддверие анархии. Этапы немецкого объединения, это три войны 1864, 1866 и 1870 годов, ведомые такими либералами, как Мольтке и Бисмарк.

Что касается Итальянского объединения, то либерализм привнес в него абсолютно меньшую долю, чем Маццини и Гарибальди, которые не были либералами. Без вмешательства нелиберального Наполеона мы не имели бы Ломбардии; и без помощи нелиберального Бисмарка при Садовой и Седане, весьма возможно, мы не имели бы в 1866 г. Венеции и в 1870 г. не вошли бы в Рим.

С 1870 по 1915 г. идет период, когда сами жрецы нового исповедания признают наступление сумерек своей религии, – побиваемой в литературе декаденством, в практике активизмом; т. е. национализмом, футуризмом, фашизмом.

Накопив бесконечное количество гордиевых узлов, либеральный век пытается выпутаться через гекатомбу мировой войны. Никогда никакая религия не налагала такой громадной жертвы. Боги либерализма жаждут крови? Теперь либерализм закрывает свои опустевшие храмы, так как народы чувствуют, что его агностицизм в экономике, его индифферентизм в политике и в морали ведут государство к верной гибели, как это уже было раньше.

Этим объясняется, что все политические опыты современного мира – антилиберальны, и чрезвычайно смешно поэтому исключать их из хода истории. Как будто история является охотничьим парком, отведенным для либерализма и его профессоров, а либерализм есть

окончательное непреложное слово цивилизации.

9. Фашизм не пятится назад

Фашистское отрицание социализма, демократии, либерализма не дает, однако, права думать, что фашизм желает отодвинуть мир ко времени до 1789 года, который считается началом демо-либерального века.

Нет возврата к прошлому! Фашистская доктрина не избирала своим пророком де-Местра. Монархический абсолютизм отжил свое, и также, пожалуй всякая теократия. Так отжили свой век феодальные привилегии и разделение на «замкнутые», не сообщающиеся друг с другом касты. Фашистское понятие о власти не имеет ничего общего с полицейским государством. Партия, управляющая тоталитарно нацией, факт новый в истории. Всякие соотношения и сопоставления невозможны.

Из обломков либеральных, социалистических и демократических доктрин фашизм извлекает еще ценные и жизненные элементы. Он сохраняет так называемые завоевания истории и отвергает все остальное, т. е. понятие доктрины, годной для всех времен и народов. Допустим, что 19-ый век был веком социализма, демократии и либерализма; однако, это не значит, что и 20-ый век станет веком социализма, демократии и либерализма. Политические доктрины проходят, народы остаются. Можно предположить, что этот век будет веком авторитета, веком «правого» направления, фашистским веком. Если 19-ый век был веком индивида (либерализм равнозначен с индивидуализмом), то можно предположить, что этот век будет веком «коллектива», следовательно веком государства.

Совершенно логично, что новая доктрина может использовать еще жизненные элементы других доктрин. Ни одна доктрина не рождается целиком новой, никогда не виданной и неслыханной. Ни одна доктрина не может похвастаться абсолютной оригинальностью. Всякая, хотя бы исторически, связана с другими бывшими и будущими доктринами. Так, научный социализм Маркса связан с утопическим социализмом Фурье, Оуена, Сен-Симона. Так либерализм 19-го века связан с иллюминизмом 18-го века. Так демократические доктрины связаны с Энциклопедией.

Всякая доктрина стремится направить деятельность людей к определенной цели, но человеческая деятельность, в свою очередь, воздействует на доктрину, изменяет ее, приспособливает к новым потребностям или преодолевает ее. Поэтому сама доктрина должна быть не словоупражнением, а жизненным актом. В этом прагматическая окраска фашизма, его воля к власти, стремление к бытию, его отношение к факту «насилия» и значению последнего.

10. Ценность и миссия государства

Основное положение фашистской доктрины это учение о государстве, его сущности, задачах и целях. Для фашизма государство представляется абсолютном, по сравнению с которым индивиды и группы только «относительное». Индивиды и группы «мыслимы» только в государстве. Либеральное государство не управляет игрой и материальным и

духовным развитием коллектива, а ограничивается учетом результатов.

Фашистское государство имеет свое сознание, свою волю, поэтому и называется государством «этическим». В 1929-ом году на пятилетнем собрании режима я сказал: «Для фашизма государство не ночной сторож, занятый только личной безопасностью граждан; также не организация с чисто материалистическими целями для гарантии известного благосостояния и относительного спокойствия социального сосуществования, для осуществления чего было бы достаточно административного совета; и даже не чисто политическое создание без связи со сложной материальной реальностью жизни отдельных людей и целых народов».

«Государство, как его понимает и осуществляет фашизм, является фактом духовным и моральным, так как оно выявляет собой политическую, юридическую и экономическую организацию нации; а эта организация в своем зарождении и развитии есть проявление духа. Государство является гарантией внешней и внутренней безопасности, но оно также есть хранитель и блюститель народного духа, веками выработанного в языке, обычаях, вере. Государство есть не только настоящее, оно также прошедшее, но главное, оно есть будущее».

«Превышая границы краткой индивидуальной жизни, государство представляет неизменное сознание нации. Внешняя форма государства меняется, но его необходимость остается. Это государство воспитывает граждан в гражданских добродетелях, оно дает им сознание своей миссии и побуждает их к единению, гармонизирует интересы по принципу справедливости; обеспечивает преемственность завоеваний мысли в области знания, искусства, права, гуманной солидарности; возносит людей от элементарной, примитивной жизни к высотам человеческой мощи, т. е. к империи; хранит для будущих веков имена погибших за его неприкосновенность и во имя повиновения его законам; ставит примером и возвеличивает для будущих поколений вождей, увеличивших его территорию; гениев, его прославивших».

«Когда чувство государственности ослабевает и берут верх разлагающие и центробежные устремления, тогда нации склоняются к закату»-.

11. Единство государства и противоречия капитализма

С 1929-го года по сегодняшний день всеобщая экономическая и политическая эволюция еще усилила значение этих доктринальных установок. Государство становится великаном. Только государство способно разрешить драматические противоречия капитализма. Так называемый кризис может быть разрешен только государством и внутри государства.

Где теперь тени Жюль-Симонов, возвещавших на заре либерализма, что «государство должно работать, чтобы сделать себя бесполезным и приготовить свою отставку»? Тени Мак-Кулохов, утверждавших во второй половине прошлого века что государство должно воздерживаться от излишнего управления?

Перед непрерывно требуемым неизбежным вмешательством государства в экономические отношения, что теперь сказал бы англичанин Бентам, по мнению которого промышленность должна бы просить государство об одном: оставить ее в покое; или немец Гумбольд, по мнению которого «праздное» государство должно почитаться наилучшим?

Правда, что вторая волна либеральных экономистов была не такая крайняя, как первая, и уже сам Адам Смит – пусть очень осторожно, – приоткрыл дверь для вмешательства государства в экономику.

Кто говорит либерализм, говорит «индивид»; кто говорит «фашизм», тот говорит «государство». Но фашистское государство единственное и представляется оригинальным творением. Оно не реакционно, но революционно, поскольку предвосхищает решение определенных универсальных проблем, поставленных во всех областях: в политической сфере раздроблением партий, самоуправством парламента, безответственностью законодательных собраний; в экономической сфере – все более обширной и мощной профсоюзной деятельностью, как в рабочем секторе, так и в промышленном, их конфликтами и соглашениями; в области моральной – необходимостью порядка, дисциплины, повиновения моральным заповедям отечества.

Фашизм желает сильного, органичного и в то же время опирающегося на широкую народную базу государства. Фашистское государство потребовало в свою компетенцию также и экономику, поэтому чувство государственности посредством корпоративных, социальных и воспитательных учреждений им созданных, проникло до крайних разветвлений, и в государстве все политические, экономические и духовные силы нации выявляются, будучи введены в соответствующие организации. Государство, опирающееся на миллионы индивидов, которые его признают, чувствуют, готовы ему служить, не может быть тираническим государством средневекового владыки. Оно не имеет ничего общего с абсолютными государствами до или после 1789 года.

В фашистском государстве индивид не уничтожен, но скорее усилен в своем значении, как солдат в строю не умален, а усилен числом своих товарищей. Фашистское государство организует нацию, но оставляет для индивидов достаточное пространство; оно ограничило бесполезные и вредные свободы и сохранило существенные. Судить в этой области может не индивид, а только государство.

12. Фашистское государство и религия

Фашистское государство не остается безразличным перед религиозным явлением вообще и перед положительной религией, в частности, каковой в Италии является католицизм. Государство не имеет своей теологии, но оно имеет мораль. В фашистском государстве религия рассматривается, как одно из наиболее глубоких проявлений духа, поэтому она не только почитается, но пользуется защитой и покровительством.

Фашистское государство не создало своего «Бога», как это сделал Робеспьер в момент крайнего бреда Конвента; оно не стремится тщетно, подобно большевизму, искоренить религию из народных душ. Фашизм чтит Бога аскетов, святых, героев, а также Бога, как его

созерцает и к нему вызывает наивное и примитивное сердце народа.

13. Империя и дисциплина

Фашистское государство есть воля к власти и господству. Римская традиция в этом отношении есть идея силы. В фашистской доктрине империя является не только территориальным, военным или торговым институтом, но также духовным и моральным. Можно мыслить империю, т. е. нацию, управляющую прямо или косвенно другими нациями, без необходимости завоевания даже одного километра территории.

Для фашизма стремление к империи, т. е. к национальному распространению является жизненным проявлением; обратное, «сидение дома», есть признаки упадка. Народы, возвышающиеся и возрождающиеся, являются империалистами; умирающие народы отказываются от всяких претензий.

Фашизм – доктрина, наиболее приспособленная для выражения устремлений и состояния духа Итальянского народа, восстающего после многих веков заброшенности и иностранного рабства. Но могущество требует дисциплины, координации сил, чувства долга и жертвенности; это объясняет многие проявления практической деятельности строя, ориентацию государственных усилий, необходимую суровость против тех, кто хотел бы противодействовать этому фатальному движению Италии в 20-м веке; Противодействовать, потрясая преодоленными идеологиями 19-го века, отвергнутыми повсюду, где смело свершаются грандиозные опыты политических и социальных перемен.

Никогда подобно настоящему моменту народы не жаждали так авторитета, ориентации, порядка. Если каждый век имеет свою доктрину жизни, то из тысячи признаков явствует, что доктрина настоящего века есть фашизм. Что это живая доктрина, очевидно из того факта, что она возбуждает веру; что вера эта охватывает души, доказывает факт, что фашизм имел своих героев, своих мучеников. Отныне фашизм обладает универсальностью тех доктрин, которые в своем осуществлении представляют этап в истории человеческого духа.

Версия #1

Зверобой создал 13 апреля 2025 13:53:21

Зверобой обновил 13 апреля 2025 13:55:08